

Е в г е н и й Никитин – один из тех солистов театра, ради которого приходит публика. Еще в студенческие годы был приглашен в труппу Мариинки и с тех пор принимает участие в самых значительных постановках театра. Особое место в репертуаре Евгения Никитина занимают вагнеровские партии, что отмечено отечественной и зарубежной музыкальной критикой.

П е в е ц побывал в гостях у Ларисы Гергиевой в программе «Я – концертмейстер!»

Л. Гергиева: Здравствуйте, друзья. Я приветствую всех, кто нас слушает, и хочу представить моего сегодняшнего гостя: солист Мариинского театра, заслуженный артист России, лауреат международных конкурсов Евгений Никитин.

К о г д а -то в твои студенческие годы, дорогой Женья, мы впервые с тобой встретились. Помню, что мы разговаривали с тобой прямо у театра. А потом ты стал приходить ко мне. У тебя были сомнения, волнения по поводу педагога, помнишь?

Е. Никитин: Да, я поменял в общей сложности трёх педагогов, и ещё два меня потом доводили до ума. Но это нормально. Любой педагог может довести до какого-то определённого уровня, но надо идти дальше.

Л. Гергиева: Я хочу тебе сказать, Женья, что, даже когда я тебя ещё не слышала, мои первые интуитивные впечатления о тебе были как о молодом певце с большим будущим.

Е. Никитин: Очевидно, на том этапе я очень хотел стать оперным певцом, и это было видно. А если человек хочет жить, врачи бессильны.

Л. Гергиева: Ты прав. Расскажи, пожалуйста, как ты пришёл в консерваторию, что этому предшествовало и почему ты решил стать оперным певцом.

Е. Никитин: Не то чтобы я решил. Как-то плылось по течению. Отец после восьмого класса взял меня к себе на дирижёрско-хоровой факультет.

Л. Гергиева: Он был музыкантом?

Е. Никитин: Он окончил Питерскую капеллу, уехал на три года по распределению в Мурманск преподавать в училище (раньше после ВУЗа надо было три года отработать на периферии). Там он бросил якорь – женился и обзавёлся мной и братом. Ну и остался в Мурманске н а всю жизнь. Поэтому он мне всегда говорил: «Я уехал из Питера, ты возвращаешься туда – круг замкнулся». Для него это имело важное, символическое значение. Музыкант он был действительно от бога. Шикарный, тонкий хоровой дирижёр. Он мог бы сделать прекрасн у ю карьеру– не хуже Минина, я так думаю.

Л. Гергиева: А мама?

Е . Никитин: Мама находилась в папиной тени. Она была рядовым концертмейстером в его классе и преподавала общий курс фортепиано. В музыкальном отношении она была попроще и больше занималась домом, чем своей работой.

Л. Гергиева: Ну а твои первые музыкальные шаги?

Е. Никитин: Меня не отдали в музыкальную школу, а вот моего старшего брата почему-то отдали. Он занимался, но музыкантом не стал, хотя шикарно играл на гитаре и фортепиано.

Л. Гергиева: А ты?

Е. Никитин: А я на гитаре пробовал, но это просто не мой инструмент. Хотя я мечтал на ней играть, ставил на полную мощь группы, перед зеркалом играл на воздушной гитаре, тряс головой. Были мечты стать рок-звездой, естественно. В то время они были у всех. В с е хотели ездить на лимузинах, одеваться в леопард. К сожалению, не получилось.

На уроках математики я откровенно скучал

Л. Гергиева: Ты пришёл в училище?

Е. Никитин: Когда я переходил в восьмой класс, отец подошёл ко мне и сказал: «Сынок, у тебя восьмой класс, надо думать о будущем. Давай, поступай в училище. Всё равно больше никуда не поступишь». А поступать в Мурманске было особо некуда, кроме мореходного училища, пединститута и ещё чего-то рыбного. А у меня с математикой, геометрией, химией и физикой... Одним словом, я был чистым гуманитарием, и мир точных наук меня никак не интересовал. На уроках математики я откровенно скучал. Чему равняется икс? Да по барабану, чему равняется этот несчастный икс! На улице весна, а я тут думаю, чему икс равняется.

Л. Гергиева: Женя, подожди. Когда ты был подростком, ты думал о том, что ты будешь петь?

Е. Никитин: Ни в коем случае. Отец, конечно, с детства давал мне домашние уроки сольфеджио, в доме была музыкальная атмосфера, мама постоянно играла Бетховена. К восьмому классу музыкальный багаж у меня был солидный, причём и классической и лёгкой музыки, потому что Алик тоже мне все мозги своими записями пропилил – Deep Purple, Pink Floyd и всякое такое. Музыка в доме звучала с утра до вечера, и притом самая разная. Да и слух у меня был неплохой. Поэтому отец посчитал вполне возможным взять меня без подготовки на дирижёрско-хоровой факультет музыкального училища, потому что там был катастрофический недостаток мальчиков.

Л. Гергиева: Именно мальчиков?

Е. Никитин: Девочек было очень много. Я был единственный на курсе. И двадцать девочек. Это было сложно.

Л. Гергиева: А сейчас профессия оперного певца тебя не разочаровывает?

Е. Никитин: Я не могу назвать это профессией. Это скорее призвание. Хотя без профессиональных навыков невозможно воплотить свои «концепции» в жизнь. Поэтому с какой-то точки зрения это и ремесло. Бах тоже был в первую очередь ремесленником, просто гениальным. Грань между ремеслом и настоящим призванием очень тонкая.

Грань между ремеслом и настоящим призванием очень тонкая

Л. Гергиева: А что тебе даёт эта профессия?

Е. Никитин: В ней есть всё, что необходимо. У меня хорошая жизнь. Она не скучная, сопряжённая с постоянными гастроллями. Я вижу мир и людей. Это интересная работа, вовсе не пыльная. Каждый раз что-то новое, куча положительных эмоций, адреналина. Это своего рода стиль жизни. Я и не представляю, чем бы я занимался, случись со мной что-то, что подвигло бы меня уйти из профессии. Хотя, вы знаете, когда случаются неудачи, думаешь: «Бросить всё к чёртовой бабушке, пойти вон в такси работать». Потом думаешь: «А как я буду жить без этого всего? Это же совсем другая вселенная! За окном-то скукотища!»

Л. Гергиева: А в театре не поскучаешь.

Е. Никитин: В театре другая жизнь. Там интриги, серпентарий. Это всегда очень заводит.

Л. Гергиева: Мы с тобой говорили о Мурманске. Ты бываешь там?

Е. Никитин: К сожалению, я туда редко навещаю – раз в год повидаться с теми, кто там ещё остался. В основном все уже разъехались.

Л. Гергиева: Город-то непростой. Суровый климат.

Е. Никитин: Дело даже не в климате. Там просто делать больше нечего. Если в Советском Союзе все рвались туда за полярными надбавками, то теперь все оттуда бегут, потому что работы там всё меньше и меньше, людей увольняют, перспектив нет.

Л. Гергиева: Так получилось, что в последние годы я довольно часто приезжаю с гастроллями в Мурманск. И, знаешь, Женя, я встречаюсь с музыкантами – твоими бывшими педагогами, молодыми певцами, которые о тебе слышали. Город гордится тобой и внимательно следит за твоими успехами. Хочу, чтобы ты это знал.

Е. Никитин: Это приятно. Конечно, я знаю, что там меня не забыли, слава богу. Между прочим, там учился не только я. Ещё DJ Грив. Слышали когда-нибудь?

Л. Гергиева: Нет, не слышала.

Е. Никитин: Ну молодёжь знает. Мы с ним, с Женей Рудиным, в хоре сидели борт о борт. Он был на третьем курсе, я на первом. Вот такая маленькая деталь.

Л. Гергиева: Хорошо. Теперь консерваторские годы. Скажи, были ли сложности с голосом?

Е. Никитин: В консерваторские годы были сплошные сложности с голосом, потому что я поступал в 18 лет, и это был не голос, а козий хвост. Снизу не хватало, сверху не хватало, середина была какая-то невнятная. Но меня всё-таки кое-как взяли, потому что папа т а м всех знал. Он немножко побегал, попросил. Взяли на музкомедию последним номером.

Л. Гергиева: Женя, а Булат Минжилкиев?

Е. Никитин: Булат Минжилкиев появился гораздо позже. Он пришёл преподавать в 1996 году. Как раз в тот момент, когда я спел два неудачных прослушивания, Константин Ильич Плужников сказал: «К вам придёт преподавать Булат Минжилкиев, попросись к нему в класс, он тебя поправит». И вот я на трясущихся ногах зашёл в театр, мне сказали: «Вон он сидит в режуправлении, курит». Я к нему подошёл и сказал: «Булат Абдуллаевич, я знаю, вы собираетесь идти преподавать. Возьмите меня, пожалуйста, к себе в класс». Он так на меня посмотрел, говорит: «Ну пойдём, я тебя послушаю». В вокале у меня тогда была полная беда. Он послушал и сказал: «Нет, не возьму. У тебя четвёртый курс, а тебя ломать надо напрочь, всё с нуля начинать. Времени может не хватить». Я говорю: «Делайте, что хотите, мне терять нечего. Давайте попробуем». В общем, кое-как его уломал, он согласился. И пока он не умер, я был у него в классе. Он меня довольно быстро подправил.

Е с л и кто-то собирается серьёзно заняться оперным пением, сначала надо бросить курить, а потом всё остальное

Л. Гергиева: Он был потрясающим певцом и невероятно добрым, хорошим человеком.

Е. Никитин: Да, он личность. Это была огромная потеря для театра. Все были в шоке, когда это случилось.

Л. Гергиева: Ушёл он довольно молодым.

Е. Никитин: Ему было 56 лет. Это, конечно, не возраст.

Л. Гергиева: Как ты считаешь, что он дал тебе как вокалист?

Е. Никитин: Он меня раздышал. Именно это слово больше всего подойдёт. Мне тогда надо было прокричаться, чтобы система заработала. У меня не было координации между связками и дыхательным аппаратом. А потом всё пошло само собой. Я поймал момент, когда пение превращается в облагороженный крик. До этого я тянулся за звуком, но это всё было никому ненужно. Но самое главное – он мне сказал: «Бросай курить! Это я тебе как старший товарищ по работе говорю. Ты на меня не смотри, я своё отпел. А тебе курить не надо». Я же до этого курил, как паровоз, причём мы в общежитии «Беломор» смолили со всякими непонятными травами. Вы понимаете, студенчество – дело такое.

Л. Гергиева: И сейчас?

Е. Никитин: Сейчас я не курю. Бывает, одну, очень редко. Но я не считаю себя курящим человеком. После того как я бросил курить, у меня пошёл совершенно другой звук. Поэтому, если кто-то собирается серьёзно заняться оперным пением, сначала надо бросить курить, а потом всё остальное.

Л. Гергиева: Я вспоминаю наши первые встречи. Когда я услышала, как ты поёшь (ты как раз занимался у Булата Минжилкиева), я стала понимать, что тебе надо обязательно участвовать в конкурсах. После того, как ты стал лауреатом конкурса Римского-Корсакова, в том же 1998 году...

Е. Никитин: Мы поехали на конкурс Чайковского. Это была целая эпопея.

Л. Гергиева: Давай расскажем нашим радиослушателям...

Е. Никитин: Как не надо ездить на конкурсы.

Л. Гергиева: Начинаем.

Е. Никитин: У Валерия Абисаловича Гергиева был выпуск спектакля «Семён Котко»: огромная опера, громадная работа, сложнейшая сценография, и репетиции, репетиции, репетиции. И тут...

Л. Гергиева: Ты прошёл отбор.

Е. Никитин: Я неожиданно прошёл отбор, и надо ехать на конкурс.

Л. Гергиева: Мы готовились.

Е. Никитин: Мне пришлось разрываться между конкурсом и постановкой «Семёна Котко», что в принципе делать нельзя. Я должен был спеть одну из ряда генеральных репетиций, потом я летел в Москву. Там надо было появиться, чтобы вытянуть жребий. За меня тянула ж р е б и й Лариса Абисаловна. Архипова была в ярости: вы что, такого неуважения к конкурсу никто и позволить себе не мог – ездить на каждый тур, летая в Питер на репетиции «Семёна Котко»!

Л. Гергиева: Давай теперь расскажу я, потому что я в это время находилась в Москве. Вообще-то Ирина Константиновна пригласила меня быть почётным гостем этого конкурса. Но поскольку мои ребята, которых я готовила, прошли, она разрешила мне выступить с ними. Со всеми всё было нормально. Кстати, конкурс был очень сильный. И многих, пожалуй, самых хороших, почему-то повыкидывали из первого тура. Так сложилось, что ты должен был тянуть жребий.

Е. Никитин: А меня не было, потому что как раз в этот момент я был в дороге.

Л. Гергиева: Я тянула жребий за тебя, и Архиповой это не понравилось, она уже

нахмурилась: «Где этот Никитин?»

Е. Никитин: «Этот». С самого начала она была настроена против меня.

Л. Гергиева: Она не любила такие вещи.

Е. Никитин: Такие вещи никто себе не позволял. Это прецедент.

Л. Гергиева: Ещё ты со своей вальяжной походкой.

Е. Никитин: Да, я, видимо, вёл себя несколько...

Л. Гергиева: Вызывающе.

Е. Никитин: Ну надо знать себе цену! Что ж там лебезить-то?

Л. Гергиева: Всё время, когда она видела меня (а виделись мы часто), она то и дело старалась меня задеть. На втором туре все с нетерпением ожидали твоего появления. Люди уже слышали, что ты поёшь в Мариинке.

Е. Никитин: И что я специально прилетел с «Семёна Котко» спеть тур.

Я не верил в существование такого голоса. Это *Zwischenfach*, как немцы говорят, – «между голосов». Другими словами, ни то ни сё, ни рыба ни мясо

Л. Гергиева: Мы с тобой выходили на сцену, ты такой огромный, высокий, очень самоуверенный, рыжий!

Е. Никитин: Тогда ещё рыжий.

Л. Гергиева: Вышли и стали петь сцену Бориса.

Е. Никитин: Да, в этом туре надо было спеть «Достиг я высшей власти». Неплохо получилось, кстати.

Л. Гергиева: Но ты помнишь, что ты прибежал с самолёта?

Е. Никитин: С самолёта, с испугу, с адреналина. Бывает, прямо после самолёта голос звучит очень хорошо.

Л. Гергиева: Во время перерыва ко мне подошёл наш знаменитый бас Иван Петров. Он был потрясающий человек, ну а какой певец – даже комментировать не надо. Так вот, он мне сказал: «Этого парня, конечно же, ждёт очень большое будущее. Я это предрекаю. Лариса, занимайся с ним, кто бы что ни говорил. Это очень серьёзно».

Е. Никитин: Царство ему небесное. Ко мне он подошёл в кулуарах консерватории и по-честному сказал: «Ну какой ты, между нами, бас? Так, баритончик. Вот я – бас. А ты баритончик», – этак с прищуром. В конечном итоге так и случилось: голос-то повёл наверх.

Л. Гергиева: В итоге ты называешься бас-баритон.

Е. Никитин: Ни бас, ни баритон. Я не верил в существование такого голоса. Это *Zwischenfach*, как немцы говорят, – «между голосов». Другими словами, ни то ни сё, ни рыба ни мясо.

Л. Гергиева: Кстати, у меццо-сопрано и сопрано тоже много таких вариантов. Но мы всё-таки должны дорассказать эту историю. Ты летал, и был момент...

Е. Никитин: Когда я прилетел на третий тур то ли прямо с премьеры, то ли с генеральной репетиции.

Л. Гергиева: Рано утром. Ты помнишь, что ты переодевался в самолёте? Ты прибыл уже одетый.

Е. Никитин: Я был уже во фраке, бежал с метро, влетел взмыленный, Лариса Абисаловна уже сидела. Мой выход, а я бегу с аэропорта.

Л. Гергиева: Буквально перед этим Ирина Константиновна с улыбкой сказала: «Если он хоть на секунду опоздает, мы снимаем его с конкурса».

Е. Никитин: Да, было бы жалко.

Л. Гергиева: Я помню, как меня трясло. Я говорила ей: «Ирина Константиновна, вы понимаете, ну всякое бывает». – «Нет, мы не будем делать никаких снисхождений!» Я чувствовала, что ты чем-то её раздражал.

Е. Никитин: Конечно, раздражал – свалился откуда-то. На третьем туре я пел Гремину. И они ждали, что я фа внизу не возьму. А я тогда подцепил какую-то болячку, и всё хорошо сомкнулось.

Л. Гергиева: Но потом, когда мы зашли в приёмную Ирины Константиновны... Ты вошёл этой своей огромной походкой, как моряк.

Е. Никитин: Провинциальная непосредственность.

Л. Гергиева: И зацепил вазу!

Е. Никитин: Династии Мин. И она-таки разбилась.

Л. Гергиева: Вдребезги! Это окончательно разъярило Ирину Константиновну.

Е. Никитин: И она дала мне вторую премию вместо первой.

Л. Гергиева: Кстати, лауреата этой первой премии сейчас, по-моему, никто не видит и не слышит.

Е. Никитин: Бесик Габиташвили. Он на меня волком смотрел. Когда в гримёрке переодевались, он вообще не общался.

Л. Гергиева: Женя, тем не менее, когда мы с тобой выступали на концерте лауреатов...

Е. Никитин: Что мы пели, я тоже не помню.

Л. Гергиева: Мы пели Бориса. И потом мы, довольные и счастливые, приехали в родной Мариинский театр. И после этого всё как закрутилось!

Е. Никитин: После этого Валерий Абисалович поставил «Парсифаль» с Тони Палмером.

Л. Гергиева: Это 1998 год.

Е. Никитин: Да. Я там впервые в жизни спел что-то вагнеровское под названием Второй рыцарь Грааля. И с этого момента в моём творчестве пошла немецкая волна, которая не заканчивается до сих пор.

Какие у меня увлечения? Рисование и альтернативная музыка

Л. Гергиева: Женя, ты производишь впечатление человека, не очень открытого, сдержанного, ровного в отношениях с коллегами. Знаю, что у тебя есть узкий круг друзей и широкий круг интересов. Я бы очень хотела, чтобы наши радиослушатели получили более полное представление о тебе, и не только как о певце. Расскажи, чем занят твой досуг, какой у тебя характер и какие увлечения при твоей огромной нагрузке.

Е. Никитин: Какие у меня увлечения? Рисование. Кто видел мою страничку в Facebook'e, тот знает, какого рода рисунки я делаю. Типа убиваю время на гастролях. Ну и второе увлечение – это альтернативная музыка. У нас с моим другом своя студия. Есть такое место – Горбунки. Там есть Дворец культуры, где мы сами пишем музыку, записываем молодёжь, всячески проводим время в атмосфере рока, альтернативной музыки и чистого креатива.

Л. Гергиева: Молодые талантливые ребята, которые любят этот жанр, могут обратиться к тебе? Ты их слушаешь?

Е. Никитин: Пожалуйста! Студия называется «White Angel». Приходите. У нас работает звукорежиссёр очень высокого класса. Сделаем любую демо, даже если кто-то хочет записать классику. Приходите с фонограммой минус один. С фортепиано тоже пишем. Цены демократичные. Поэтому, пожалуйста, приходите.

Л. Гергиева: В Мариинском театре довольно долгое время висела выставка твоих

работ, да?

Е. Никитин: Да. И сейчас у меня должна быть другая выставка на Васильевском острове. На эту тему как раз ведутся переговоры. Дорос даже до выставки, как ни смешно это звучит. Они делают отпечатки моих рисунков на пенокартоне. Довольно забавно.

Л. Гергиева: Так здорово, когда у оперного певца, который делает очень серьёзную мировую карьеру, есть хобби!

Е. Никитин: И занимается вот такой залепухой.

Л. Гергиева: Нет-нет, это очень интересно!

Е. Никитин: В этом, конечно, что-то есть. Просто сидеть на серьёзнике очень устаёшь. Хочется чего-то для души и просто дурака повалять.

С а м ы й главный театр для меня – это мой дом Мариинка

Л. Гергиева: Давай теперь поговорим о серьёзных вещах. Самые интересные для тебя театры, сцены, где чувствуешь себя более комфортно, более удобно (я имею в виду и акустику, и величину зала)? Где твой голос звучит лучше?

Е. Никитин: Естественно, самый главный театр для меня – это мой дом: Мариинка-1, Мариинка-2, Концертный зал. Я в этом деле варюсь не первый год и уже знаю особенности всех этих сцен. На любой сцене есть и акустические ямы, и выигрышные точки. И когда ты зн а е ш ь все тонкости данной сцены, то тебе не важно, какая акустика. Ты встаёшь в нужную точку и поёшь. Пел я здесь очень много и знаю, как прикасаться к звуку.

Л. Гергиева: А другие сцены?

Е. Никитин: Другие сцены иногда огорошивают. Я помню, меня очень огорошил театр Ла Скала. Дико огорошил Ковент-Гарден, когда мы туда ездили.

Л. Гергиева: Чем?

Е. Никитин: Сухостью акустики и полным отсутствием обратной связи. Никакого мониторинга. Чем-то напоминает Малый оперный театр до его реконструкции. Такое впечатление, что поёшь в комнате, завешанной коврами. Голос совсем никак не украшается.

Л. Гергиева: А Метрополитен?

Е. Никитин: В Метрополитен-опера химичат. Там огромный зал, и, к сожалению, используется подзвучка. Я вижу, на авансцене стоят микрофоны, и лампочки у них всегда горят. Это значит, что они подзвучивают. Опера Бастиль – это кинотеатр, там нет никакой акустики и. Поэтому там тоже стоят микрофоны. Странно, что такие серьёзные, великие театры не имеют своей нормальной, живой акустики. Мне очень нравится Фестшпильхаус в Баден-Бадене. Там очень мягкая акустика. Но самая любимая акустика – в Де Дулен в Роттердаме. Ты поёшь, и такое впечатление, что голос у тебя расцветает. Только чуть-чуть прикоснулся к звуку, и уже понимаешь, как именно тебя слышит и амфитеатр, и последний ряд. Голос везде. Такого эффекта я не видел, пожалуй, ни в одном зале.

Л. Гергиева: А публика? Есть такое место, куда ты приезжаешь и чувствуешь, что тебя здесь любят?

Е. Никитин: В первую очередь дома. За двадцать лет у меня даже сложился свой фан-клуб. На меня ходят. Здесь всегда приятно работать. А на западе публику на мякине не проведёшь.

Л. Гергиева: А здесь, значит, проводишь?

Е. Никитин: Здесь уже знают, чего от меня ждать. И главное – не обмануть ожиданий. Ну а если вдруг что-то не получится – почувствовал себя плохо, неудачный спектакль, – простят в крайнем случае: «Никитин сегодня не в форме. В следующий раз споёт лучше». Здесь снисходительная, милосердная публика, она с пониманием относится к неудачам. На Западе такого нет. Там, если что, съедят.

З д е с ь снисходительная, милосердная публика, она с пониманием относится к неудачам. На Западе если что, съедят

Л. Гергиева: У тебя были неудачи?

Е. Никитин: Огромные, просто страшные неудачи. Недавно в Баден-Бадене меня сняли с «Тоски», не пошло. Сходил в термы – на следующее утро давление 180. Такого никогда раньше не было. Пошёл к врачу, мне выписали таблетки от давления под названием Конкор 500 и л и что-то в этом духе. Я стал их есть, и они, как оказалось, с кучей побочных эффектов, которые дико высушивают слизистую, вызывают отёк, аллергический фарингит... В общем, являл одну верхнюю ноту, половина голоса исчезла. После второй верхней ноты голос исч е з целиком. А у них запись на Mezzo. Я помучился-помучился, и меня сняли со спектакля.

Л. Гергиева: И как ты пережил это?

Е. Никитин: Я уже ничему не удивляюсь. Бывает и такое. В январе в Мадриде я отменил «Голландца» – заболел. Не получилось записать с ними DVD. В общем, были у меня падения. А куда же без них? Взлётов без падений не бывает. К этому надо относиться философски: сегодня не получилось, значит, завтра получится.

Л. Гергиева: Давай поговорим о твоих партиях. Русский репертуар: Борис, князь Игорь, Демон.

Е. Никитин: Я всегда любил петь именные роли. Как опера называется, это и надо петь. Детская принципиальная амбиция – петь центральную роль. Хотя я считаю, что в «Борисе» интересно спеть и Варлаама. Страдать-то всю жизнь тоже надоедает.

Л. Гергиева: А среди тех партий, которые я сейчас назвала, какая тебе ближе?

Е. Никитин: Честно говоря, князь Игорь – это и не роль вовсе. Это ария.

Л. Гергиева: Но красиво!

Е. Никитин: Я Галицкого больше люблю. Я даже специально стал просить давать мне Галицкого.

Л. Гергиева: Более острый по характеру?

Е. Никитин: Мне нравится петь что-то яркое: ты появляешься и исчезаешь.

Л. Гергиева: Женя, а Демон?

Е. Никитин: Роль Демона по тем временам была для меня непосильной, хотя это первая серьёзная работа. Сейчас, я думаю, он получился бы по-настоящему.

Л. Гергиева: Тогда это было в Шатле.

Е. Никитин: Да, в Шатле в Париже. Всё прошло неплохо, но я ещё не чувствовал полной вокальной свободы. В моём инструментарии не было достаточного количества технических средств, чтобы сделать всё, как надо. Спектакли шли стихийно и не всегда ровно. Сколько их было, не помню – шесть или семь. И только один или два из них получились как следует. А в остальных я очень сильно мучился, потому что написано дико неудобно. Красиво, но донельзя неудобно.

Л. Гергиева: Всё-таки это баритон.

Е. Никитин: Дело не в том, что он высокий. По письму он чем-то напоминал мне Масканьи: весь задранный, и постоянно надо вкладывать много эмоций в каждую ноту, хотя это буря в стакане. Что такое «Демон» Лермонтова? Грубо говоря, сказочка ни о чём. Но в опере такое бурление и кипение, что иногда даже не доезжал до конца спектакля свежим, но только потому, что тогда я ещё не умел держать себя в руках. Ведь надо делать всё с холодной головой. Это один из приёмов. А когда начинаешь на самом деле играть, поддавать, раз по связочкам ударил, два ударил – и всё, голос исчез. Очень сложно держать себя в узде и не давать ста процентов энергии. Но недодать тоже нельзя. А это приходит с годами, когда ты оброс мясом по-настоящему.

Действительно иногда думаю, что надо было спокойно петь Верди

Л. Гергиева: Давай теперь поговорим о твоём вагнеровском репертуаре. Клингзор в «Парсифале».

Е. Никитин: Начинал я с Амфортаса.

Л. Гергиева: Я говорю про Метрополитен.

Е. Никитин: Метрополитен не видит меня в Амфортасе. Я у них дежурный Клингзор.

Л. Гергиева: Фазольт в «Золоте Рейна».

Е. Никитин: С Ливайном. Хотя Фазольт – это проходящая партия, которую я больше не пою. Может быть, когда-нибудь спою, но это не моё.

Л. Гергиева: В «Майстерзингерах» ты пел партию Погнера.

Е. Никитин: Да, засветился.

Л. Гергиева: Эта опера у нас не идёт.

Е. Никитин: Но Валерий Абисалович потихонечку начал намекать мне на Ханса Закса: «Женя, посмотри Ханса Закса, посмотри».

Л. Гергиева: Женя, по-моему, ты войдёшь с этой партией в «Книгу рекордов Гиннеса».

Е. Никитин: Ханс Закс – это партия, которую Джеймс Моррис, как он мне сказал, учил два с половиной года. Я боюсь даже открывать этот клавишник. Там три часа чистого пения на немецком, и сколько я буду это учить, не знаю. Раньше я учил очень быстро.

Л. Гергиева: В Шатле ты пел Гунтера в «Гибели богов».

Е. Никитин: Нет, Гунтера я пел в Опера Бастиль.

Л. Гергиева: А в Мюнхене – Тельрамунд в «Лоэнгрине» и Голландец.

Е. Никитин: Кстати, Голландец в Мюнхене у меня с треском провалился.

Л. Гергиева: Почему?

Е. Никитин: Ну потому что я, как обычно, вышел больным. Я дурак, надо было отказаться.

Л. Гергиева: Ты довольно часто там появляешься. Тебя там любят?

Е. Никитин: Появлялся.

Л. Гергиева: А теперь нет?

Е. Никитин: Бахлер как будто бы уходит. А любая смена дирекции ведёт к тому, что долго не будешь появляться, потому что каждый тащит своих.

Л. Гергиева: Какие ощущения дают тебе вагнеровские партии?

Е. Никитин: Ощущение «зачем я за это взялся?».

Л. Гергиева: Опять лукавит.

Е. Никитин: Не-не-не, это не лукавство. Я действительно иногда думаю, что надо было спокойно петь Верди.

Л. Гергиева: Твоя последняя работа на сцене Мариинки – Иоканаан в «Саломее» Рихарда Штрауса.

Е. Никитин: Иоканаан у меня давно готов. Я сейчас отпел новую постановку в Голландии. Кстати говоря, она идёт на Mezzo. Если кому интересно, можете посмотреть.

Л. Гергиева: А что ещё ты хотел бы сделать? Ведь ты уже столько спел.

Е. Никитин: Это большой вопрос, хочу ли я ещё что-нибудь сделать. Может быть, потихоньку огранять уже имеющиеся драгоценные камни в своём репертуаре. Ведь количество – не самоцель.

Л. Гергиева: Ну всё равно у каждого певца, даже если ему много лет, возникает желание сделать ещё что-то. Есть такое?

Е. Никитин: Честно скажу, я доволен тем, что у меня есть.

Л. Гергиева: Наконец-то хотя бы одна позитивная мысль!

Е. Никитин: Почему? Разве я много негатива тут налил?

Л. Гергиева: Ты юморишь, говоришь о своих провалах.

Е. Никитин: А кто ещё об этом расскажет? Все же любят расхваливать себя: «Вот какой я великий!» А вот и нет. Это сопряжено с такими трескучими провалами! Вот, например, Катона в Ковент-Гарден меня на дух не переносит. Наверное, пока он жив, я там не появлюсь. Он меня боится.

Л. Гергиева: Будем надеяться, что там когда-нибудь всё изменится.

Е. Никитин: Я не думаю, что на моём веку он оттуда уйдёт. Он там крепко засел.

Л. Гергиева: Если тебя встретить на улице, не зная, кто ты, то никогда не скажешь, что ты оперный певец. У тебя свой имидж, свой стиль, манеры, которые разрушают представления о том, как должен выглядеть оперный певец.

Е. Никитин: А что такое оперный певец? Как он сегодня выглядит? Дорого одевается, только и всего.

Л. Гергиева: А тебе хочется выглядеть как-то по-особенному, не так, как все?

Е. Никитин: Я не понимаю: перед кем мне в Питере ходить на лабутенах, в Армани, в Dolce & Gabbana?

Л. Гергиева: То есть когда ты уезжаешь в Лондон или Париж, у тебя может возникнуть такое желание?

Е. Никитин: Там тоже не возникает. Люди, даже очень богатые, одеваются подчеркнуто просто. Сразу видно людей, которые раньше жили бедно, а потом у них появились деньги, и они начали выставлять напоказ свои расфуфыренные наряды: «Вот посмотрите, какой у меня айфон! Посмотрите, какой у меня пиджак от Зайцева!» А на самом деле это всё тряпки никому ненужные. Я хожу в одежде, которая мне удобна: штаны, кеды, майка.

Б а й р о й т дико политизированный фестиваль

Л. Гергиева: Жень, надо сказать правду: ты выглядишь как рок-певец.

Е. Никитин: Я выгляжу скорее как рабочий сцены.

Л. Гергиева: Плюс к этому – твоя знаменитая татуировка.

Е. Никитин: Я не работал над своим имиджем. Видимо, это пошло с детства. Брат пришёл из Афганистана с татухой, там что-то было написано. И тогда я тоже начал рисовать на себе фломастером. Первую татуировку сделал в Зальцбурге, на «Борисе».

Л. Гергиева: Ну а сейчас ты сделал бы это?

Е. Никитин: Не думаю.

Л. Гергиева: Правда, что ты однажды погорел на этом?

Е. Никитин: А, вы про Байройт? Погорел я не из-за татуировки. Проще говоря, с самого верха поступила разнарядка: им не нравилось, что к двухсотлетию Вагнера на центральную роль выбрали русского певца. Решили меня убрать и заодно дать по носу Катарине Вагнер, чтобы помнила, кто музыку заказывает. Прицепились к какой-то моей руне, сказали, что я rightwing. И Катарину стали клеветать из-за этого. Припомнили и то, что её прадедушка здоровался за руку с Гитлером. В общем, раздули из мухи слона. Дико политизированный фестиваль. Пришлось уехать.

Л. Гергиева: А ты чувствуешь на себе оттенки этой кампании?

Е. Никитин: Главное, хоть бы кто извинился! Пошумели и спустили на тормозах. Я думал даже посудиться с ними, но не захотел тратить время и деньги на эту грязь.

Л. Гергиева: Сейчас я отвлекусь от партий, от театра, от сцены, от гастролей, от удач и неудач. Я вспомнила, что у тебя в одно время жил маленький...

Е. Никитин: Шиншиллик. Мики, к сожалению, умер. Семь лет прожил. Была страшная трагедия. Шиншилла – это чилийская горная белка с очень ценным мехом, из-за которого она была практически полностью уничтожена. Один американец в начале XX века увёз из Чили 200 особей, и теперь они живут на фермах, опять же на мех (это меня совершенно убивает, потому что я пацифист и Гринпис). А некоторые живут как домашние питомцы. В природе их, к сожалению, не осталось. Очень милые, умные зверьки.

Л. Гергиева: А кто у тебя был до шиншиллика?

Е. Никитин: До шиншиллика были крысы, сейчас у меня кот, и хочу обзавестись микросвинкой, но меня останавливают. Говорят, они шепутные, грызут мебель. Их надо принимать такими, какие они есть. И я, скажем прямо, пока не готов к этому. Я всегда любил животных, всегда хотел их иметь, особенно в детстве. Но отец не разрешал завести ни собаку, ни кошку: «Не надо нам, и так тесно. Четыре человека в трёхкомнатной квартире, ещё собаки тут не хватало!» Чаще всего от него шло слово «нет». «Купите мне велосипед!» – «Н е т !» – «Купите собаку!» – «Нет!» – «Почему нет?» – «А места нет». Он всегда отмазывался тем, что местанет, вместо того чтобы взять да купить щенка ребёнку. Ну что такого? Из-за таких ранних запретов в воспитании человек, когда он вываливается из гнезда, на ч и н а е т барагозить. Это плохо. Надо вовремя давать человеку пошалить.

Л. Гергиева: Мы тут наговорили много чего интересного. Но, чтобы наши слушатели могли тебя представить, я должна сказать, что Евгений Никитин имеет очень счастливую сценическую внешность. Он высок, строен, атлетического

телосложения, блондин с...Зелёными?

Е. Никитин: Болотными.

Л. Гергиева: С болотными глазами. Бас-баритон, имеет голос большого диапазона, очень полётный, звучный и сильный. Как пишет иностранная пресса, безупречное и свободное владение голосом, мощь и героический облик завораживают и восхищают.

Е. Никитин: Где это так написали?

Л. Гергиева: Я нашла. Это единственное, за что я люблю интернет, – можно найти хорошие отзывы.

Е. Никитин: Да и другие тоже.

Л. Гергиева: Твои пожелания тем, кто нас сейчас слушает.

Я совершенно случайно встретил Ларису Абисаловну на улице. И всё сложилось

Е. Никитин: Мне вдруг вспомнилось, что в Баре «Шемрок» губной помадой на зеркале написано: «В такое тяжёлое для страны время бросать пить подло». Тем, кто нас слушает, я желаю только одного: чтобы у нас наконец-то наладилась жизнь, и будущее вырисовывалось более или менее чётко. Сколько я живу в России, будущее всё время туманное, неопределённое. Не знаешь, что будет завтра. Это немножко нервирует. Поэтому хотел бы пожелать спокойствия, чистого неба над головой, хорошего настроения, и держитесь там, короче. Ну, шутка, шутка! Самое главное, я хотел бы пожелать удачи, потому что только удача предопределяет всю будущую жизнь. Оказаться в правильном месте в правильное время – это стоит очень дорого. И как бы ты ни старался, как бы ты ни рвал себя, если не окажешь с я в нужном месте в нужное время, ничего не получится. Господин счастливый случай. Я совершенно случайно встретил Ларису Абисаловну на улице.

Л. Гергиева: Двадцать с лишним лет назад.

Е. Никитин: И всё сложилось. Поэтому желаю, чтобы выпадало то, на что ставите,

как в казино.

Л. Гергиева: Женя, ты знаешь, как я тебя люблю. Я хочу пожелать тебе удачи (да, это самое главное), прекрасного самочувствия, потому что у тебя огромная нагрузка. Я всегда переживаю, когда думаю о тебе. Ты очень много отсутствуешь, ездешь, исполняешь эти о г р о м н ы е партии, страшные по трудности, требующие выносливости. Постоянно меняется климат.

Е. Никитин: И временные пояса.

Л. Гергиева: В общем, здоровья тебе, удачи и новых ролей.

Е. Никитин: Огромное спасибо.

Л. Гергиева: И хочу тебе сказать, Женя: ты один из таких оперных певцов, которых любят, с которыми ждут встречи, и это не только отряд молодых девушек, которые часто ходят в Мариинский театр.

Е. Никитин: Группы так называемые, как же!

Л. Гергиева: Тебя любят, любят твой голос. Ирина Константиновна Архипова была великим человеком, великим музыкантом. Она говорила: «Лариса, не показывай ему, что он особенный, что ты его любишь или выделяешь. Построже с ним!»

Е. Никитин: Чтобы не испортился.

Л. Гергиева: Она прекрасно понимала твой потенциал и чувствовала, что у тебя серьёзное будущее. Она, конечно же, права. Ты уже в том возрасте, когда ты сам должен себя опекать, следить за собой.

Е. Никитин: Абсолютно правильно. Я стараюсь как можно меньше...

Л. Гергиева: Отдыхать и развлекаться?

Е. Никитин: Точно.

Л. Гергиева: Хорошо. Спасибо тебе, Женя, за интересный, необычный рассказ. Я не знаю, как его воспримут те, кто нас слушает.

Е. Никитин: Ну а что необычного? Нормальная история.

Л. Гергиева: Думаю, молодёжи понравится. Обнимаю тебя. Спасибо и до новых встреч.

Е. Никитин: Огромное вам спасибо. Я вас тоже люблю и обнимаю. До следующих встреч.